

Антенна - 1998 -
8 - 14 июня (№ 21) - с. 3

В свои 33 он многое сотворил: три серии «Старых песен о главном», «Десять песен о Москве», двадцать выпусков знаменитого «Матадора» и много рекламных роликов. Вся страна видела эти программы, но сам Андрей оставался за кадром. Потому что он - оператор. На «ТЭФИ-98» мы наконец его увидели. Андрей Макаров стал первым оператором России, получившим национальную телевизионную премию.

МАТАДОР

С МЕБЕЛЬНОЙ ФАБРИКИ

НЕ ЗРЯ ХРАНИЛ СМОКИНГ

Рабочий момент съемок: так рождаются шедевры

Андрей, ты профессию по призванию выбрал?

— Вообще-то вначале я окончил лесотехнический институт и по распределению попал на мебельную фабрику. Через два года все это производственное однообразие мне так надоело, что жизнь стала казаться черно-белой. И я пошел работать видеоинженером на «Видеофильм». Познакомился с Костей Эрнстом, он пригласил на съемку «Матадора». Так неожиданно все и началось.

— С «Матадором» ты много колесил по свету. Что запомнилось из тех поездок?

— Да все, потому что было в первый раз. Показ моды «от кутюр», Каннский кинофестиваль, карнавал в Рио-де-Жанейро, коррида в Памплоне — как их сравнивать? Они все — события номер один. Хотя особое потрясение я испытал на Каннском кинофестивале:

стоял на знаменитой лестнице, и у меня по спине вдруг побежали мурашки. Это я понял, к какому грандиозному мировому событию причастен... Сейчас к Каннскому фестивалю все привыкли. А тогда мы его впервые как зрелище открывали.

Вообще Каннский кинофестиваль — настоящий праздник. Подобных больших праздников в мире проводить не так уж много. Таких, где ты становишься участником некоей феерии, некоего шоу, разыгрываемых на почве кино или корриды.

— Да, помню. Один из выпусков «Матадора» был посвящен корриде. Но разве убийство можно назвать праздником? Слышала, что наши туристы после посещения корриды долго мясо есть не могут.

— Если смотреть корриду с точки зрения испанца, то это очень интересное зрелище. Коррида — ведь чис-

то национальное событие, ее даже не экспортируют. Поэтому к ней хорошо относятся. Убийство случается только тогда, когда работает плохой тореадор. Но если сходятся классный тореадор и хороший бык, зрелище получается очень красивое. Кстати, самый важный и интересный момент в корриде — совсем не то, что зритель наблюдает на Пласа дель Торрес. А то, что происходит накануне боя — в день, когда тореадоры отбирают быков. На эти «смотрины» съезжается весь испанский бомонд. Здесь публике подают шампанское, а тореадоры ищут себе среди быков достойного соперника. Ведь красота зрелища в том и состоит, чтобы силы противников были равны.

— Ты всегда снимал шоу- и кинозвезд. Это как-то обязывало? Или, может быть, облегчало твою участь?

— Какие уж тут облегчения. С одной стороны, ко-

нечно, это были высокобюджетные проекты, и я имел хорошие технические возможности. С другой — в этих проектах ни за кого не спрячешься. Они должны нести в себе ощущение праздника. А значит, и чисто визуально стать чем-то большим, нежели обычным набором картинок. Кроме того, я же понимал, что звезда должна сиять. А сияющей ее делает тот, кто снимает.

— Тебе важны чисто человеческие контакты с теми, кого снимаешь?

— Конечно. Мне пока, тьфу-тьфу-тьфу, очень везло в этом смысле. Я ни с кем не знал никаких сложностей. Звезды могли капризничать в костюмерной, в гримерной, но на съемочной площадке — никогда! А самое сильное потрясение я испытал в работе с Людмилой Гурченко на съемках «Старых песен о главном-2». Она тогда к нам после больницы пришла. И пока сидела, ожидая начала работы, видно было, что не совсем хорошо себя чувствует. А встала перед камерой — и будто тысячи электростанций включились! Не знаю, что с ней в такие моменты происходит. Она словно наполняется энергией и все вокруг собой наполняет. Это просто фантастика! Недавно просматривал всю запись и вновь испытал такое же волнение.

— Что тебе было тяжелее всего снимать?

— Венецианский карнавал. Он довольно статичен, и его трудно перевести на движущиеся картинки. Можно сделать с карнавальными масками гениальные фотографии, но снять их же на движущуюся пленку почти невозможно. Там ничего не происходит, и все так медленно ходят...

А вообще в каждой работе случаются трудные эпизоды. В первых «Старых песнях» таким стал проезд группы «На-На» по деревне. Бари Алибасов должен был ехать на лошади верхом, а на-найцы — на запряженной телеге. Снимали несколько дней в 1-м павильоне «Мосфильма», где была выстроена настоящая деревня.

Мотор! Бари Каримович на лошади скачет, телега выезжает. План отличный! И вдруг лошадь с на-найцами понесла. Телега перевернулась. Ребята полетели: кто — на забор; кто — под колесо. Подбегаем — лежат бездыханные. Слава Богу, через несколько минут выяснилось, что все обошлось. Были, конечно, ушибы, царапины, но ничего трагического не произошло. Надо отдать должное на-найцам — очень бесстрашные оказались ребята. Поднялись и говорят: «Давайте еще раз снимем».

— Наверное, на церемонию награждения первый раз смокинг надевал?

— Нет, смокинг у меня давно, с Каннского кинофестиваля. Мы его у Славы Зайцева шили. Ну, денег, естественно, у нас тогда на смокинги не было. И Эрнст договорился: половину стоимости оплачивали мы, половину — телекомпания. Так у нас появились вечерние костюмы. Я только позднее пуговицы перешил, когда они устарились. Кстати, единственная переделка, которая смокингу со временем потребовалась...

Новоиспеченного лауреата расспрашивала **Маргарита ГОЛОВАНОВА**